

*Л. Ю. Гусман, А. О. Дружевский**

**«НО ВЛАСТОЛЮБИЕ У НАС НЕ ЗАТМЕВАЕТ
ТЕХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ, ЧЕМ ИОАНН СИЯЕТ».
ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ****

Статья затрагивает проблему эволюции мифа об Иване Грозном в русской поэзии. До 1840-х гг. царь представлен в литературных произведениях талантливым полководцем, справедливым и мудрым правителем. Образ государя в этот период идеализировался. В книгах отсутствуют описания жестокостей и царских казней. Авторы уделяют большое внимание сюжетам военной истории (присоединение Казани и др.). С 1840-х гг. до конца XIX в. Иван Грозный в поэтических произведениях представлен человеком импульсивным, с резко меняющимся настроением. Государь с удовольствием проявляет жестокость (часто пользуясь для этого посохом). Авторы в это время дают моральную оценку происходящему. Ярким примером того является творчество А. К. Толстого, который чаще других в своих произведениях обращался к эпохе Ивана Грозного, и в особенности его баллады 1840-х годов. В XX веке в русской поэзии утверждается образ Ивана Грозного как царя карающего. Многие известные советские поэты обращались в своем творчестве к его образу: В. С. Высоцкий, А. М. Городницкий и др. Итак, миф о царе претерпел эволюцию: от талантливого полководца к царю, который карает, что вместе с тем не умаляет его добродетелей.

Ключевые слова: Иван Грозный, миф, поэзия, К. Ф. Рылеев, А. К. Толстой, В. С. Высоцкий, А. М. Городницкий.

* Гусман Леонид Юрьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии, Государственный университет аэрокосмического приборостроения; Русская христианская гуманитарная академия, blummer@mail.ru;

Дружевский Антон Олегович, методист 2-й категории, Президентская Библиотека им. Б. Н. Ельцина; аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, РГПУ им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия, adruzhevskij@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01407, <https://rscf.ru/project/22–28–01407/>; Русская христианская гуманитарная академия.

L. Yu. Gusman, A. O. Druzhevsky
*“BUT OUR LOVE OF POWER DOES NOT OVERSHADOW THOSE VIRTUES
WITH WHICH JOHN SHINES”. THE IMAGE OF IVAN THE TERRIBLE
IN RUSSIAN POETRY*

The article touches upon the problem of the evolution of the Ivan the Terrible myth in Russian poetry. Until the 1840s, the tsar was represented in the works as a talented commander, a just and wise ruler. The image of the sovereign was idealized during this period. There are no descriptions of cruelties and royal executions in the books. The authors pay great attention to the plots of military history (the annexation of Kazan etc.). From the 1840s till the end of the XIX century Ivan the Terrible in the works is represented by an impulsive man, with a sharp change of mood. The sovereign is happy to show cruelty (often using a staff for this). The authors at this time give a moral assessment of what is happening. A vivid confirmation of this is the work of A. K. Tolstoy, who more often than others in his work turned to the era of Ivan the Terrible, especially in his ballads of the 1840s. In the XX century the image of Ivan the Terrible as a punishing tsar was confirmed in Russian poetry. Many famous Soviet poets turned to his image in their works: V. S. Vysotsky, A. M. Gorodnitsky etc. It turns out that the myth of the tsar has undergone an evolution: from a talented commander to a king who punishes, however, it does not detract from his virtues.

Keywords: Ivan the Terrible, myth, poetry, K. F. Ryleev, A. K. Tolstoy, V. S. Vysotsky, A. M. Gorodnitsky.

Художественная литература является частью исторической памяти. Историческая память, как известно, это социальная (коллективная) память. Из поколения в поколение люди субъективно осмысливают события прошлого. Особенно негативно запоминается угнетение, несправедливость в отношении народа. Историческая память помогает оценить значение тех или иных событий, понять важность исторического лица. Ярким примером проявления исторической памяти является образ Ивана Грозного, который на протяжении XIX века развивался от романтического восприятия царя (конец XVIII века — 40-е годы XIX века) до реалистического понимания его личности (40-годы XIX века — конец XIX века).

Первый русский царь — Иван Васильевич Грозный — умер почти 430 лет назад. Его личность вызывала живой интерес у современников. Первым, кто попытался составить целостный портрет Ивана Грозного и дать оценку его царствованию, был А. М. Курбский, бежавший в Литву и создавший обличительную «Историю о великом князе московском». Русский народ сложил множество песен, которые показывают отношение простых людей к царю. Царь строг, жесток и беспощаден, но он старается действовать по закону, по справедливости, защищает угнетенных людей. Образ Грозного в народных сказках подчас также противоречив и неоднозначен. Еще в XVIII веке российские литераторы начинают проявлять интерес к грозному царю. М. В. Ломоносов в 1739 году писал в оде «На взятие Хотина», которая была посвящена императрице Анне Иоанновне, сравнивая Петра Первого и Ивана Грозного:

Кто с ним толь грозно зрит на ю,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак, Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас

Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских [11, с. 9].

Для автора важно показать величие родной страны и провести параллели между прошлым и настоящим, указать на преемственность между правителями былых веков и современной ему государыней. Анна Иоанновна, как писал в соответствии с одическими традициями Ломоносов, войдет в историю и будет чтима потомками.

Писатель М. М. Херасков в 1779 году заканчивает работу над своей объемной эпической поэмой под названием «Россиада», главным героем которой становится царь Иван Грозный. В предисловии к поэме автор говорит о том, что государство, угнетенное соседними державами, внутренне неустроенное, порабощенное иноверцами, расхищаемое боярами, страдающее от многоначальства, может быть сильным посредством управления «сильной рукой». М. М. Херасков призывает вспомнить первые годы правления Ивана Васильевича, когда тот был молод, устанавливал благоразумные законы, привел в лучший порядок воинство [23]. В начале поэмы автор показывает Ивана IV, который вольно относится к обязанностям правления, не думает о государстве, не защищает его от ордынских набегов. Сподвижник царя Алексей Адашев советует ему помолиться в церкви, чтобы получить наставление от Бога, как править государством. И вот что произошло в этот момент:

Отверзлось небо вдруг вздремавшего очам,
И видит Иоан печальных предков там [там же, с. 177–238].

Грозный увидел предшествующих государственных деятелей: Олега, Феофогноста, Александра Тверского, Александра Невского, Дмитрия Донского. Все они призывают царя защитить отечество от татар и покорить Казань. Автор говорит о том, что до времени правления деда Ивана IV — Ивана III — Россия находилась в запустении, но Ивану III удалось навести порядок. Его дело продолжил его внук:

Во смутны Россов дни он силы собирал;
Неукротимых Орд воскресла власть попрагна
Во время юности второго Иоанна.
Сей деда храброго венчаный славой внук
Едва не выпустил Казань из слабых рук [там же, с. 177–238].

М. М. Херасков показывает, что Ивану Васильевичу не с первого раза удалось взять Казань. Однако победа была достигнута благодаря мужеству царских воевод: Микулинского, Мстиславского, князя Курбского, Пронского, Шереметева, Пенинского, Романова, Троекурова, Шимякина, Плещеева, Палецкого, Серебряного. В поэме русская армия показана мощным формированием профессиональных воинов, которые обладают личностными качествами, помогающими им победить врага и смело вступить в бой. Иван Грозный часто молится, обращаясь к Богу с просьбой о победе. Происхождение автора «Россиады» предопределило его отношение к царской власти. М. М. Херасков был дворянином, поэтому он всячески чтит царскую власть и преклонялся

перед нею. Автор упрекает Ивана Васильевича в том, что тот не сразу стал заботиться о благе своего отечества. Автор в порыве раболепства, терзаемый верноподданническими чувствами, начинает извиняться и оправдываться перед государем, боясь показаться противником монархии:

Изгнав из Царскаго жилища Иоанн
Развраты, клевету, коварство, лесть, обман;
Оставляя праздну жизнь в златом одре лежащу;
И маковы цветы и гроздии держащу;
Отвергнув от очей соблазнов темноту,
Что истины святой скрывала красоту;
Изъ грозного Царя, как агнец, став незлобен,
Был солнцу Иоанн восточному подобен,
Которое когда свое лицо явит,
Сиянием лучей вселенную живит...
Но ныне смутные веселости разгнав,
Всю важность ощутив Владетелевых прав;
И возвратив себя народу и короне,
Явился Иоанн как дневный свет на троне... [там же, с. 177–238]

Иван Грозный в поэме сугубо верующий человек, не подверженный сменам настроения, не имеющий склонности к насилию и убийству. Автор в предисловии признается, что не упоминает в своем произведении «безмерные царские строгости, по которым он Грозным проименован». Создатель «Россиады» на протяжении всего повествования пытается вызвать в читателях светлые чувства любви к Родине, русскому народу, предкам, государственным деятелям, которых он безмерно восхваляет и возвеличивает. М. М. Херасков не случайно выбрал жанр эпической поэмы для своего произведения. Он соотносит ее с «Илиадой» Гомера, «Энеидой» Вергилия, «Генриадой» Вольтера и другими произведениями, которые ставят своей задачей обратиться к истории XVI века, показать выдающихся исторических деятелей прошлого. Однако М. М. Херасков сам признается, что его литературное творение на порядок ниже и он во многом уступает другим авторам эпических поэм. Автор вводит в свое произведение Алея и Сумбеку, чтобы показать не просто образы врагов, а людей, способных на сильные, искренние чувства. Сумбека не сразу изъясляет покорность русскому царю, она внутренне надломлена и истощена, ей сложно побороть в себе мысль, что русские не такие уж и злые, какими она их представляет. Современные исследователи полагают, что Херасков «создает законченный образ софиократического общества, управляемого высшим разумом. При этом он выходит за рамки социального и рационального, помещая свой идеал за пределами реального или даже псевдореального жизненного пространства. Социальная гармония представлялась результатом индивидуального нравственного совершенствования и постижением истинного знания... Просвещение, “философский век” породили особый тип социального утопизма... В предельной ясности это выразилось в сочинениях М. М. Хераскова. Поэтому следует по возможности объективно учесть то влияние, которое они могли иметь на современников» [1].

Характеры героев в «Россиаде» (кроме Иоанна, князя Андрея Курбского, Адашева, царя Алея, а также некоторых татарских воинов) действительно

бледнее и приглушеннее, чем в большинстве героических эпосов; однако это вызвано не слабостью литературной техники автора, а внутренней достоверностью его произведения: одно из отличий русского героизма — его неброский, «будничней» характер, его сосредоточенность на общем деле, а не на собственной славе. Язык «Россиады» — одно из наивысших достижений русского поэтического языка XVIII столетия. Он в основном менее торжествен и приподнят, чем ломоносовский, отличается исключительной чистотой и плавностью. Исследователи справедливо усматривали в поэме признаки новаторских, сентиментальных черт [12, с. 28–42]. Русский стан изображен Херасковым единым и стройным, во главе его стоит государь, окруженный советом своих добродетельных и храбрых вельмож. О социальных противоречиях в России XVI века, о положении крестьянства в поэме упоминаний нет: Херасков попросту не видел их, а если бы и видел, то не стал бы говорить о них в героической эпопее, чтобы не омрачить ее патриотического пафоса [9]. Русская культура обрела в конце XVIII столетия свою первую эпическую поэму, которую уже в следующем веке оценили по достоинству.

П. В. Победоносцев в знаковом для России 1812 году очень высоко оценивал вклад М. М. Хераскова в литературу и культуру России, он славил его как литератора, который достиг невероятных высот в литературном творчестве. Не забыл критик и о главном герое поэмы — Иване Грозном: «Иоанн, подобный кедру, ветрами колеблемому с двух противных сторон, чувствует сильную борьбу любви к Отечеству с любовью к супруге; погружается в задумчивость, подавляет горечь своего сердца; но слезы катятся по лицу Героя. Херасков хотел изобразить Иоанна терпеливым и великодушным — и успел в своем желании. В то время, когда все войско, изнуренное дальним походом, палимое зноем, томилось жаждою, — два воина, удалясь ночью от дружины своей, находят ручей, не помнят себя от радости, почерпают воды, и с восторгом приносят Государю» [14]. Поэмы М. М. Хераскова В. Г. Белинский называет «длинными и скучными», а самого автора оценивает следующим образом: «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт» [3, с. 164]. В. Г. Белинский иронически воспринимает стихотворение, посвященное М. М. Хераскову:

Херасков — наш Гомер, воспевший древни брани,
России торжество, падение Казани.

Археограф и литератор П. М. Строев в 1815 году в «Письме к девице Д.» приводит краткий критический обзор поэмы М. М. Хераскова «Россиада». Он полагает, что нельзя говорить об этом литературном произведении только в комплементарных тонах. Автор утверждает, что главное ее достоинство состоит в «высокости ее предмета» [20]. Сопоставляя творчество М. М. Хераскова и Гомера, П. М. Строев приходит к выводу, что за обилием литературных персонажей и стилистических приемов теряется облик Ивана Грозного. Получается, что первый русский царь представлен человеком бесхарактерным и слабым [там же]. По мнению П. М. Строева, который выступает не только как литературный критик, но и как историк, Казанское ханство к временам Ивана Грозного уже не представляло смертельной угрозы для России, а следова-

тельно, патетика Хераскова была излишней. Таким образом, П. М. Строев был принципиально несогласен с взглядом М. М. Хераскова на Казанское ханство как на смертельную опасность для России и считал взятие Казани событием, несопоставимым со свержением татаро-монгольского ига.

Общество в России конца XVIII века благоговело перед Ломоносовым, но больше читало Сумарокова и Хераскова; они были понятнее для него, более по плечу ему [3, с. 21–55]. Но наступил новый XIX век, который прославил культуру России во всем мире. В России в то время творили гении, ставшие классиками русской литературы: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, А. К. Толстой, А. П. Чехов. Список очень длинный. Новый век подарил стране нового императора — Александра I. Он был молод, горяч, энергичен, полон идей и планов.

В его эпоху поэты и литераторы все чаще изображают в своих произведениях образ Ивана Грозного. В то время господствовал классицизм, который предполагал подражание античным образцам. Исследователи полагают, что русские литераторы создали немало пьес в этом стиле, направленных против тирании. Так, в трагедии Ф. Ф. Иванова «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1808–1809) хор народа прославлял политическую свободу:

Глас, любезнейший народу,
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам гордым страх! [10, с. 13–14]

Можно предположить, что антиутиранические мотивы были настолько распространены в русском театре первой четверти XIX в., что нередко вводились в произведения, далекие от каких бы то ни было социальных тем. Однако это утверждение ошибочно, т. к. автор — на стороне царя и выступает против боярской вольницы. Это произведение посвящено эпохе Ивана III, деда Ивана IV. Автор сравнивает двух правителей: внешняя схожесть, грозность нрава, любовь к своей стране. При чтении этого произведения порой кажется, что события разворачиваются не в XV веке, а в середине XVI века. Вероятно, поэтому составитель антологии пьес об Иване Грозном А. В. Парин помещает «Марфу-посадницу» на первое место, чтобы можно было сравнить, какими методами управляли оба правителя. Произведение содержит ряд фактологических ошибок: описание внешности Ивана похоже на то, которое давали иностранцы в XVI веке; покорение Новгорода напоминает поход 1570 года на Новгород, но хотя посол из Москвы говорит жителям, что царь гнева на них не держит, жители все равно ждут царского гнева и разграбления города; упоминается опричнина (в то время ее не существовало). Важным персонажем здесь является Марфа — человек железной воли, внутреннего мужества, с ораторским талантом:

Но властолюбие у нас не затмевает
Тех добродетелей, чем Иоанн сияет...
Пусть славен Иоанн из рода будет в род,
Пусть вкусит век золотой российский им народ,
Но славен будет пусть и Новгород великой [10, с. 24].

В этом произведении Иван Васильевич показан как человек, у которого ранимая душа. Когда сын Борецкой погибает, Иван Васильевич в отчаянье восклицает:

О новгородские стены!
Падите на меня! Мой меч тебя сразил.
О мой несчастный сын!.. Увы! лишаюсь сил [10, с. 70].

В нашем исследовании мы не будем рассматривать те литературные произведения, где Иван Грозный не фигурирует либо только упоминается его эпоха, сценарии театральных постановок, являющиеся переделками литературных произведений. В начале XIX века в культуре и в литературе в частности господствует классицизм, затем его сменяет романтизм. По словам искусствоведа Н. Н. Мутьи, «Иван Грозный — идеальный герой классицизма» [13, с. 28]. Исследователь Е. А. Прокофьева в статье «Эсхатологический миф в антураже исторического события» напоминает нам о драматурге и поэте С. Н. Глинке, который создает в этот период трагедию «Сумбека, или Падение Казанского царства». С. Н. Глинка изображает смерть главной героини — царицы Сумбеки. Настоящая же Сююн-Бике покинула Казань с маленьким сыном в 1551 году, вышла замуж за Шахи-Али и доживала свой век в Косимове, а ее сын воспитывался при дворе Ивана Грозного. Е. А. Прокофьева отмечает, что творчество С. Н. Глинки нуждается в дальнейшем изучении. У исследователей сложился стереотип, что это литература «второго ряда» [16].

Декабрист К. Ф. Рылеев в 1821 году написал стихотворение из цикла «Думы», посвященное А. М. Курбскому, в котором перед нами предстает человек, пытающийся осмыслить свой жизненный путь, порассуждать о насущном. А. М. Курбскому грустно, ибо во время взятия Казани он с усердием участвовал в боевых действиях. А. М. Курбского охватывает ностальгия по родному краю и дому. Он всячески оправдывает свой отъезд в Литву из России. Он негодует, что вместо получения заслуженных наград он находится на чужбине (хотя князь по собственной воле сбежал в Литву). Князь упоминает и своего оппонента Ивана Грозного:

Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священо,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова.
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покровы [17, с. 163].

В «думе» «Смерть Ермака» главный герой, казачий атаман, отправляется в дальнее путешествие с целью освоению Сибири. В этом произведении показан образ патриота, человека, готового отдать за царя и Родину жизнь. Ермак Тимофеевич гибнет нелепо. Виною всему царский подарок, который утянул его на дно, когда он переплывал Иртыш:

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною [17, с. 166].

В стихотворении 1822 года перед нами предстает Б. Ф. Годунов — истинный царский царедворец, человек, готовый на все ради усиления собственной власти. Годунов был конюшим царя, но, по мнению автора, постоянно грезил о возвышении:

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлю везде цвести
И грады пышные и сёла;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола [17, с. 168].

Баллады графа А. К. Толстого 1860-х гг. — «Князь Михайло Репнин» и «Василий Шибанов», — как пишет К. Ю. Резников, «можно отнести к лучшим образцам русской исторической поэзии» [15].

С этим сложно поспорить. Репнин предан царю, но ставит честь выше жизни. Когда Грозный в компании опричников затевает на пиру маскарад и заставляет Репнина одеть «личину», тот отказывается:

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричина да сгинет! — он рек, перекрестясь.
— Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»
Он молвил и ногами личину растоптал... [21, с. 391]

Царь пронзает Репнина жезлом (на самом деле князя убили через несколько дней) и начинает раскаиваться:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!» [21, с. 392]

Источником для написания баллады автор выбрал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

А. К. Толстой считал, что художник вправе поступиться исторической точностью, если это необходимо для воплощения его замысла. И в этой балладе мы видим некоторые расхождения с историческим источником. Так, у Н. М. Карамзина Репнина убили по царскому приказу в храме на молитве.

А. К. Толстой внес изменения, чтобы не привлекать внимание к тому, что Ивану Васильевичу было все равно, где учинять расправу.

А. К. Толстой нашел героев и среди простых людей. В балладе «Василий Шибанов» Василий — стремянный Курбского — соглашается отвести письмо князя-изменника в Москву и передать прямо в царские руки. Курбский для Толстого становится отвратительней Грозного. Шибанов же отвозит письмо и вручает его царю:

«Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налёт на костыль — и внимает:
<...>
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
<...>
И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пёс недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!» [21, с. 389–390]

Шибанов погиб в застенке, славя Курбского и прося Бога его простить. Предсмертными словами Василия были слова молитвы за царя и за Родину [15].

В переписке с Курбским Иван Васильевич хвалит Шибанова и говорит, что тот храбрее Курбского и не убоится вернуться в Москву и благочестиво умереть. Видно, что царь восторгается храбростью и преданностью Шибанова и в тоже время осуждает Курбского [8, с. 38]. Иван Грозный в этом произведении — воплощение деспотизма. Ему противопоставлен князь Курбский, бежавший в Литву и посылающий оттуда царю горькие слова обличения.

Еще одна баллада, посвященная времени правления Ивана Грозного — «Старицкий воевода». Действие произведения происходит в 1570 году, когда в заговоре против царя был обвинен царский конюший боярин И. П. Федоров, затем казненный. В этом произведении конюшего извещают о том, что он должен явиться к царю. Иван Грозный пригласил подчиненного в свои покои, одел в царскую одежду, посадил на свой трон, а потом казнил, сказав:

«Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!»
И, вспрынув тот же час со злобой беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной.
И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и с дрожью зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой [21, с. 396].

Этим он насмеялся над своим рабом и хотел показать, что только он, царь, обладает полнотой личной власти. Итальянский дворянин Александр Гваньини подробно описывает обстоятельства смерти конюшего Федорова: «В 1568 году от Рождества Спасителя великий князь вернулся в город Московию и там застал некое враждебное ему выступление знати. В особенности некий знатный человек Иван Петрович, главный воевода, несущий у него власть в Московии, ложно и бесчестно был обвинен доносчиками, будто бы он домогается великого княжения; великий князь тотчас, не выслушав оправданий от приписанного тому преступления, лишил его всего движимого и недвижимого имущества, а самому приказал отправляться на войну с татарами. Этому несчастному, лишенному всего имущества, не оставили даже лошади, на которой он мог бы отправиться на предписанную ему войну. Однако какой-то монах пожалел его и дал ему лошадь, на которой тот отправился против татар, выполняя поручение государя, причем совершенно один (тогда как еще недавно его окружала толпа слуг). По возвращении с войны его вызывают к великому князю, и к назначенному времени в Московию созывается вся знать и прочие вельможи. Итак, упомянутый Иван Петрович, вызванный в судилище, попрощался с женой, детьми и прочими родственниками, предчувствуя близкую смерть, и явился к великому князю. Тотчас он был самим государем отмечен знаками княжеского достоинства, диадемой и скипетром и усажен на трон. Когда он сидел, украшенный и наряженный таким образом, то сам великий князь в присутствии всех дворян и бояр, стоя против него с непокрытой головой, как бы воздавая почести, склонил голову, стал на колени (по народному обычаю) и сказал: “Здравствуй, великий князь и монарх Руссии! Достиг ли того, к чему стремился, имеешь ли то, о чем просил? Ты ведь хотел занять мое место великого монарха российского (ведь так он был ложно обвинен), вот я и назначил тебя сам великим князем, но как я имею власть назначать тебя великим князем, также властен я вовлечь тебя с этого трона и почета”. С этими словами он несколько раз вонзил в его сердце длинный нож или кинжал, и вся толпа стоящих вокруг дворян так свирепо набросилась на него с кинжалами и ножами, что все его внутренности вывалились на землю. Жестоко истерзанный труп был вытащен из кремля на площадь. Затем всех его верных слуг государь приказал задушить, зарезать и утопить» [7]. Немец Г. Штаден дает высокую оценку И. П. Федорову-Челяднину, положительно оценивает его государственную деятельность. «На Москве в отсутствие князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда. Несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и Полоцке» [25, с. 390]. Автор называет причины убийства Иваном Грозным И. П. Федорова: боярин Михаил Морозов «оболгал лифляндцев», И. П. Челяднина вызвали в Москву. Он «был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму» [25, с. 391]. Р. Г. Скрынников говорит, что Г. Штаден был одним из немногих, кто знал конюшего лично. Исследователь ставит под сомнение наличие заговора в земщине. Историк сообщает, что И. П. Федоров был сослан в Коломну и через год казнен [19, с. 195–196]. Таким образом, И. П. Федоров — яркий государственный деятель своего времени и безвинная жертва опричного террора.

Баллады А. К. Толстого стали своеобразным рубежом в понимании образа царя Ивана Грозного. В начале XIX века он был «идеальным героем классицизма», лишенным строгости и жестокости. А. К. Толстой в своих балладах первым показал царя как жестокого тирана, который не только способен на убийства, но и совершает их с удовольствием.

В 1950-е годы XX века писателем В. А. Соловьевым была закончена пьеса в стихах «Великий Государь». Время действия произведения — 1570-е годы. В боярской среде зреет заговор против государя. На русский престол хотят посадить короля Польши Стефана Батория. Царь Иван Васильевич появляется лишь во второй картине. Речь его проникнута смирением; видно, что царь глубоко религиозный человек, владеющий образной речью, приводящей собеседников в трепет. Среди своих приближенных царь особо выделяет смекалистого Бориса Годунова: «Ну, вижу я, Борис, коль не силен ты в беге, то на словах смышлен, а в хитрости горазд!» [18, с. 459]. В. А. Соловьев показывает в своем произведении сильную личность, стремящуюся создать могущественное государство с централизованной властью любыми средствами. В разговоре с Магнусом царь насмешлив и ироничен. К европейским правителям царь испытывает чувство пренебрежения:

И ежели бы я доподлинно хотел
На трон Ливонский посадить вам ровню,
Я б на него медведя посадил! [18, с. 465]

Однако в произведении Иван Грозный показан одиноким правителем, который устал от жестоких казней и расправ. Автор, таким образом, затрагивает важную общественно-политическую проблему одиночества во власти. Властитель лишен удовольствия крепкой дружбы, искренности отношений. Кругом лишь холопы, от которых царь ждет беспрекословного подчинения, или враги — изменники государства. Только мамка царевичей, Кирилловна, не лебезит перед правителем, а говорит ему в лицо что думает: «В геенне огненной, на противне железном гореть тебе в аду!» [18, с. 483]

На царя большое влияние оказывают многочисленные ласкатели. Среди них и Василий Шуйский. В сцене с Иваном-сыном явлен подозрительный царь, который боится не столько за будущее России, сколько за усиление власти Ивана Ивановича, просящего назначить его воеводой в Ливонию. Следовательно, автор использовал для своей книги версию убийства царем сына, взятую не из сочинений А. Поссевино (бытовая ссора), а из работ Н. М. Карамзина (возникшая у государя боязнь усиления Ивана Ивановича). К младшему же сыну Федору Иван Грозный пылает любовью и состраданием. В сцене беседы царя с чернецом В. Соловьев ставит проблему неограниченной деспотичной власти. Возможно, в этой сцене имеется в виду Корнилий Псково-Печерский, убитый, по одной из версий, царским жезлом. Чернец выступает обличителем по отношению к царским деяниям во внутренней и внешней политике. Царь Иван — карающая сила для несогласных с ним. Государь склонен к театральности, поэтому и предлагает монаху-чернецу занять русский трон и ощутить себя правителем:

«Уж я не государь. Ты — государь отныне!
Я здесь затем, чтобы помочь тебе принять правление.

Лиха беда начало!
Решай же, государь: с чего начнешь?
Начни с Ливонии, пожалуй? Дай немедля
Полкам, что там стоят, указ идти на Крым!
Так тотчас повели хотя бы Годунову —
Дела он ведает — тебе указ о том,
Как должно, сочинить» [18, с. 491–492].

Татары были переселены государем из степей к границам Ливонии. В этом исследователь Н. Н. Мутья видит аллюзионные связи с современностью, когда И. В. Сталин во время Великой отечественной войны переселил из Крыма татар, опасаясь их предательства. А расправу с оппозиционными элементами генсек, как и царь, объяснял борьбой за единое государство [13, с. 357]. Поэтому царь и пытается своим жезлом убить мятежного чернеца, но Борис Годунов останавливает его. Хитрый Василий Шуйский убивает монаха ударом ножа в грудь. Этот эпизод введен в повествование неслучайно: автор снимает ответственность за убийство Корнилия с государя. В сцене с Борисом Годуновым царь возмущен предложением жениться на племяннице английской королевы Марии Гастингс, но успехи внешнеполитические для правителя важнее законов здравого смысла, и он соглашается. В сцене, когда у Годунова открывается старая рана, царь показан приветливым и заботливым холопом. Достоин царь держит себя с послом от Стефана Батория:

«...я не ратник,
А царь всяя Руси! И мне играть копьем
На поединке чести не пристало,
Бо честь моя — во благе государства,
А не в моем копье или мече.
Пока я, царь, вершу дела во благо
Моей отчизны, честь моя при мне!
Но ежели без нужды государской
Меч обнажу за самого себя,
То, честь свою с мечом в руке спасая,
Тем государя чести не спасу» [18, с. 521].

Царь постоянно боится измены и называет приближенных холопами. Во время заседания боярской думы Иван Грозный начинает перепалку с сыном, чтобы не пускать его в Ливонию. У всех на глазах бросает в него посох, тем самым убивая его:

«О сын мой!!! Мой Иван!!! Нет... мертв... Уже остыл...
А мертвые... они... не восстают из праха...
Вот скипетр мой... Вот шапка мономаха...
Не царь я больше... В монастырь!...» [18, с. 524]

Однако Иван Грозный не ушел в монастырь, а стал требовать от бояр беспрекословного подчинения своей воле в делах внутренней и внешней политики. Перед смертью царь обеспокоен судьбой московского престола. Он предвидел, что кому бы ни достался престол, править будет Годунов. Царь ис-

поведется митрополиту во всех своих грехах, в том числе в казни В. Шуйского и Б. Годунова, которых только собирается казнить. Но Ивану Грозному не был отпущен этот грех; он умирает. Череда выдуманных В. Соловьевым эпизодов показывает, как страшно умереть, не получив отпущения всех грехов.

В произведении царь показан разным: одиноким и в то же время заботливым мужем, жестоким, нетерпимым к измене. В этом есть его величие как государя. Автор ловко оперирует историческими фактами, отбирая лишь нужные, чтобы дать оценку времени правления Ивана Грозного как прогрессивной эпохе.

В обширном стихотворении 1977 года «Когда я об стену разбил лицо и члены» («Палач») В. С. Высоцкий (голос которого звучит в комедии Л. И. Гайды «Иван Васильевич меняет профессию» (1973)), показал обобщенный образ исполнителя приговора, одного из винтиков полицейского государства. Палач беседует с героем, которому предстоит казнь. [4, с. 88]. Высоцковед О. Ю. Шилина считает, что «вслед за Ф. М. Достоевским Высоцкий убежден, что человек, даже падший, заблудший, совершивший преступление, может подняться, возродиться, преобразиться» [24, с. 66]. Экзекутор изображен сентиментальным эстетом, склонным к педантичности. Образ палача идеализирован: он оказывает психологическую помощь казнимому, вежлив, «развлекает про гильотину анекдотом», обладает эмпатией, разговорчив, «пожелал доброй ночи на прощанье» [24, с. 91]. О «феномене В. С. Высоцкого» пишет в своем междисциплинарном исследовании В. И. Батов [2, с. 77]. Нам наиболее интересен эпизод, когда палач жалеет, что в стране упразднен кол, и вспоминает каждую свою жертву. Вероятно, В. С. Высоцкий читал исследования ученых, анализировавших опричный период во времена Ивана Грозного и реконструировавших «Синодик опальных», в котором тиран учитывает своих жертв. Также В. С. Высоцкий пишет, что палач об опричниках отозвался «особенно тепло». Это означает, что экзекутору близки те методы, которыми опричники действовали при Иване Грозном. Основная идея стихотворения: существуют два взаимоисключающих мира: палачи, с усердием выполняющие повеления власти, действующие с учетом исторической преемственности, и жертвы, которые бессильны перед лицом полицейского государства. При жизни В. С. Высоцкого текст стихотворения опубликован не был. Широкой публике он стал известен после 1984 года, когда актер Н. Б. Джигурда записал несколько альбомов песен на стихи Высоцкого (в т. ч. используя малоизвестные тексты). Протоиерей Михаил Хаданов отмечает, что до сих пор в отношении к творчеству В. С. Высоцкого наблюдается разнообразие оценок [22, с. 257].

Советский поэт Г. Я. Горбовский в поэме «Русская крепость», посвященной Н. Рубцову и изданной в 1979 году, обращается ко времени правления Ивана Грозного. В произведении показано время Новгородского разгрома 1570 года. Царь разыскивает архиепископа Пимена, с которым хочет расквитаться. В тексте видно, что Иван Грозный склонен к анализу, понимает, что происходит вокруг, осознает, что царская власть противоположна жизни в монастыре «Наши истины в корне отличны, // Не спастись — спасать» [5, с. 105].

В 1994 году ученый и поэт А. М. Городницкий обращается в своем творчестве к эпохе XVI века. Поэтический текст навеян известным полотном

И. Е. Репина, который показывает эпизод убийства царем своего 27-летнего сына. Однако автор оправдывает Ивана Грозного, который после свершенного вызывает: «Достаточно крови» [6]. Таким образом, А. Городницкий поддерживает историческую версию о том, что после ноября 1581 года Иван Грозный прекратил казни в Московском государстве.

В 1990-е годы певица Жанна Бичевская в своем творчестве обращается к православной тематике и начинает исполнять песни на стихи Геннадия Пономарева. В 2003 году выходит ее музыкальный альбом «Боже, храни своих». В нем красной нитью проходит «царская тема» и превосходство православия над другими религиями. В песне «Царь Иоанн» оправдывается жестокость царя, а А. М. Курбский назван изменником. Неоднократно певица во время выступлений говорила, что нужно молиться не только семье Николая Второго, но и «местночтимому святому» Ивану Грозному. Подобные идеи никогда не поддерживала Московская патриархия, но предвестником этих идей был старец Николай Гурьянов, который также призывал молиться и Григорию Распутину.

Таким образом, Иван Грозный — популярный герой русской поэзии, его время интересно отечественным литераторам. Он предстает перед читателями то талантливым полководцем, то деспотом, то великим государем. Очень спорной является тенденция, свойственная части общественности, которая хочет канонизировать его вместе с Григорием Распутиным. Объективная оценка исторических событий, основанная на изучении древних документов, должна помочь всестороннему анализу той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Т. В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // *Философский век. Альманах 12. Российская утопия от идеального государства к совершенному обществу*. — СПб.: 2000. — С. 13–47.
2. Батов В. И. Владимир Высоцкий: художник и человек. Опыт психогерменевтики. — М.: Аграф, 2011.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. — М., 1953. — Т. 1.
4. Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. — М.: Локид-Пресс, 2002. — Т. 2. Стихотворения. Песни театра и кино, Поэма. Проза и драматургия.
5. Горбовский Г. Я. Крепость. — Л.: Лениздат, 1979.
6. Городницкий А. М. Иван Грозный убивает сына Ивана. — URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=31235> (дата обращения: 24.04.2022).
7. Гваньини А. Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. Описание Московии. О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frameset5.htm> (дата обращения: 17.05.2012).
8. Грозный Иван IV. Сочинения. — СПб.: Издательский Дом Азбука-классика, 2007.
9. Западов А. В. Творчество Хераскова // *Херасков М. М. Избранные произведения*. — М.; Л.: Советский писатель, 1961. — С. 5–56.
10. Иванов Ф. Ф. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // *Иван Грозный. Пьесы русских драматургов XIX–XX веков*. — М., 2001.

11. Ломоносов М. В. Я знак бессмертия себе воздвигнул...: Избранное. — СПб.: Издательский Дом Азбука-классика, 2009.
12. Любжин А. И. Россияда М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия // Греко-латинский кабинет. — 2000. — № 3. — С. 28–42.
13. Мутья Н. Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. — СПб.: Алетейя, 2010.
14. Победоносцев П. В. Заслуги Хераскова в отечественной словесности // Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Часть первая. — М., 1812. — С. 111–147.
15. Резников К. Ю. Журнал «Самиздат». Мифология русской истории. От Рюрика до Петра Великого. — URL: http://samlib.ru/r/reznikow_k_j/chapter7.shtml (дата обращения: 07.05.2012).
16. Русская литература. Исследования. Сборник научных трудов. — 2009. — № 13. — С. 1–13.
17. Рылеев К. Ф. Сочинения. — М.: Правда, 1983.
18. Соловьев В. А. Великий Государь // Иван Грозный. Пьесы русских драматургов XIX–XX веков. — М.: Аграф, 2001.
19. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. — М.: Транзиткнига, 2005.
20. Строев П. М. «О Россияде». — URL: http://az.lib.ru/s/stroew_p_m/text_0030.shtml (дата обращения: 07.04.2022).
21. Толстой А. К. Князь Серебряный: роман; драма; стихотворения; баллады; былины; избранные письма. — Л.: Лениздат, 1982.
22. Хаданов М. Попытка духовного осмысления творчества В. Высоцкого. — М.: Вече, 2018.
23. Херасков М. М. Россияда. Поэма эпическая // Херасков М. М. Избранные произведения. — М.; Л.: Советский писатель, 1961. — С. 177–238.
24. Шилина О. Ю. Творчество Владимира Высоцкого и традиции русской классической литературы. — СПб.: Островитянин, 2009.
25. Штаден Г. Страна и правление Московитов. Записки немца-опричника // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. — Смоленск: Русич, 2003.